

Глава 5. Беловежский сговор могильщиков СССР. М. С. Горбачёв — любимец Запада

В наш заключительный материал мы включили сведения о беловежском сговоре из книги известного историка А.В. Островского: «Глупость или измена. Расследование гибели СССР» и некоторых других свидетельств очевидцев тех событий.

1. Командировка Ельцина с помощниками в Минск

Утром 7 декабря 1991 года Б. Н. Ельцин отправился в Минск. Официальная цель — заключение договора о дружбе и сотрудничестве между РСФСР и БССР. В 11.00 – 11.30 договор был подписан. В тот же день российская делегация могла вернуться

в Москву. Однако 7-го в столице она так и не появилась. «Проходит день, — вспоминает позже М. С. Горбачёв, — никаких новостей из Минска до меня не доходит, никому ничего неизвестно. Подумалось: решили „расслабиться“, — так оно и было».

После официальной церемонии состоялся неофициальный банкет, на котором Борис Николаевич действительно «расслабился». Однако настораживало, что об этой довольно ординарной поездке не были поставлены в известность ни секретарь Верховного Совета РФ С. А. Филатов, ни спикер Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатов, ни вице-президент РСФСР А. В. Руцкой. Настораживало и то, что вместе с Б. Н. Ельциным улетели государственный секретарь Г. Э. Бурбулис, вице-премьер Е. Т. Гайдар, министр иностранных дел А. В. Козырев, советник президента по правовым вопросам С. М. Шахрай. Ещё более должно было насторожить то, что 7-го из Киева в Минск, тоже со свитой, отправился президент Украины Л. М. Кравчук.

«В замысел встречи в Беловежской пуще, — позже пишет в своей книге Е. Т. Гайдар, — президент меня не посвящал. Сказал только, что надо лететь с ним в Минск, предстоит обсуждение путей к усилению сотрудничества и координации политики России, Украины и Белоруссии...»

Однако Б. Н. Ельцин, Л. М. Кравчук и С. С. Шушкевич решили провести совместную встречу не в Минске, у всех на виду, а под Брестом, в Беловежской пуще, в посёлке Вискули. «Беловежская встреча, — вспоминал Борис Николаевич, — проходила в обстановке секретности, резиденцию даже охраняло особое спецподразделение». Степень секретности была такова, что приглашённый фотограф АПН Ю. Иванов позднее заявил: «Я был уверен, что еду снимать охоту».

2. Прилёт команды Ельцина в Белоруссию

Первой ещё днём в Беловежскую пущу прибыла украинская делегация. Вслед за нею должна была появиться российская. Однако во время банкета Борис Николаевич настолько «расслабился», что прибыл в Вискули лишь около 18.00. Причём, судя по всему, доставили его не совсем в рабочем состоянии. По утверждению С. С. Шушкевича, «Ельцин прилетел на аэродром неподалёку от Вискулей нетрезвым», поэтому даже не смог «самостоятельно сойти с трапа».

«Ельцин прилетел под вечер, — вспоминает журналист Н. Иванов. — И сразу казус: не устояв на шатком трапе,

Борис Николаевич потерял равновесие и едва не слетел кубарем на гостеприимную белорусскую землю. Ситуацию спасла охрана, подхватив Бориса Николаевича под руки».

На аэродроме российского президента посадили в машину, и через некоторое время он был в пункте назначения. Здесь его встретил директор Вискулей Степан Мартысюк, который утверждает, что Борис Николаевич чувствовал себя настолько неустойчиво, что его «вели под руки». В таком состоянии он, разумеется, не мог участвовать в переговорах, поэтому его отвели «в номер» и дали возможность «отдохнуть». Через некоторое время Б. Н. Ельцин пришёл в себя и отправился ужинать. Причём охрана, видимо, не проявила к этому выходу особого внимания, поэтому «на ужине» российский президент появился «со съехавшим набок галстуком». Уже упоминавшийся Юрий Иванов попытался запечатлеть этот исторический момент на фотоплёнке, но «охрана Ельцина буквально выбила из его рук аппарат».

«Мне показалось, — вспоминал потом Б. Н. Ельцин, — что Шушкевич представлял себе эту встречу несколько иначе, более раздумчивой, спокойной. Он предлагал поохотиться, походить по лесу. Но было не до прогулок. Мы работали как заведённые, в эмоционально-приподнятом настроении».

3. Обсуждение концепции договора между тремя республиками

По свидетельству С. Шушкевича, до 23.00 они вместе с Б. Н. Ельциным и Л. М. Кравчуком обсуждали «концепцию» будущего соглашения между тремя республиками. К сожалению, он ничего не говорит о тех условиях, в которых происходило это обсуждение. Между тем уже упоминавшийся С. Мартысюк утверждает, что Борис Николаевич во время этого обсуждения «ещё добавил» и «часикам к одиннадцати» «пикировал под стол».

«После ужина, — вспоминает бывший министр иностранных дел Белоруссии П. Кравченко, — Ельцин поднимался на второй этаж, где располагались его апартаменты. И вдруг на середине лестницы споткнулся и стал падать спиной назад. С учётом его солидного телосложения такое падение могло

закончиться трагично. Охрана замешкалась, все оцепенели, но ситуацию спас Шушкевич, который поднимался вслед за Ельциным и ловко подхватил Бориса Николаевича. На следующий день, выйдя к завтраку, Ельцин по-царски достал из кармана часы и сказал: „Станислав Станиславович, это — за поддержку президента России в трудную минуту“».

Вспоминая тот вечер, С. С. Шушкевич отмечает: «Мы сформулировали концепцию, дальше всю ночь работали эксперты, а мы отправились спать. Как мне спалось? Меня вообще бессонница не мучает. Сейчас много слухов, будто бы мы там пили втёмную самогон. Ничего подобного, была „Беловежская“».

Это, конечно, смягчающее обстоятельство. «Беловежская» — благороднее, чем самогон. После того, как три президента ушли спать, за обсуждение «концепции» взялась их охрана. «Внизу, — вспоминал С. Мартысюк, — в спальном номере стол накрыли себе. Половину мебели поломали, так нажрались, извините за откровенность».

А пока главы трёх государств, не мучаемые бессонницей, спокойно спали после обсуждения «концепции», а их охрана допивала то, что не успели вожди, эксперты трудились над тем документом, ради которого приехали. М. С. Горбачёв утверждает, что этот документ «был извлечён из кармана госсекретаря и, как свидетельствуют очевидцы, наспех завизирован». Однако Е. Т. Гайдар пишет, что всё было совершенно иначе. Из его воспоминаний явствует, что эксперты сели за работу «очень поздно, около двенадцати ночи». Чем они занимались до двенадцати, мы не знаем. Может быть, ждали концепцию, может быть, тоже ужинали.

«Вечером, по прилёте, — писал Е. Т. Гайдар, — пригласили белорусов и украинцев сесть вместе поработать над документами. Собрались в домике, где поселили меня и Сергея Шахрая. С нашей стороны были Бурбулис, Козырев, Шахрай и я. От белорусов — первый вице-премьер Мясникович и министр иностранных дел Кравченко. Украинцы подошли к двери, потоптались, чего-то испугались и ушли... Начали вместе работать над проектом документа... технический персонал решили не беспокоить, я стал сам набрасывать на бумаге текст. В 4 утра закончили работу. Андрей Козырев взял

бумаги, понёс к машинисткам». Однако, как пишет Е. Т. Гайдар, «утром» 8-го «в технических службах» возникла «паника». Подготовленный документ нужно было представлять главам государств, а его не было. И тут «выяснилось: Козырев не решился в четыре утра будить машинистку, засунул проект декларации под дверь, по ошибке не под ту».

Очень хотелось бы поверить Егору Тимуровичу, но не получается. Дело в том, что в этих исторических событиях участвовала одна-единственная машинистка, и она была доставлена в Вискули только утром 8 декабря. Поэтому будить в ночь с 7 на 8 декабря было некого. И если в четыре часа министр иностранных дел искал дверь не существовавшей машинистки, можно только предполагать, в каком состоянии он находился. Под чью дверь министр иностранных дел засунул исторический документ, Егор Тимурович предпочёл умолчать.

Между тем документ оказался под дверью охраны Б. Н. Ельцина. Обнаружив утром у себя какую-то бумажку и исходя из наличия в номере туалетной бумаги, охранники выбросили исторический документ в урну.

Только после того, как была поднята тревога, черновой вариант исторического Беловежского соглашения был извлечён из туалетной урны и передан его авторам. Мы не знаем, в каком состоянии он находился, но, как писал Е. Т. Гайдар, «когда рано утром хватились — времени для расшифровки уже не оставалось, разобраться в моём, надо сказать, на редкость отвратительном почерке мало кому удаётся. Пришлось идти самому диктовать текст»...

4. Процесс утверждения договора

«Когда я принёс напечатанный, наконец, документ, — вспоминал Егор Тимурович, — Б. Ельцин, Л. Кравчук и С. Шушкевич в ожидании бумаги уже собрались, начали предварительный разговор. Ознакомившись с ней, довольно быстро пришли к согласованному выводу: да, это и есть выход из тупика». По свидетельству С. Шушкевича, «рано утром главы государств вместе с премьерями утверждали каждый пункт договора... Всё это время из комнаты в комнату, как мальчишки на побегушках, бегали Гайдар, Козырев,

Шахрай... Никто ведь этого договора не прочитал. Кстати, если к охоте всё было подготовлено, то к работе с документами — нет». Правда, через несколько дней Борис Николаевич признался, что за основу Беловежского соглашения был принят тот документ, который был составлен ещё в декабре 1990 года. Поэтому его обсуждение не потребовало много времени.

«К работе над документами, — вспоминает С. С. Шушкевич, — мы приступили после завтрака. Что касается спиртного, то во время работы над соглашением я был как за рулём, а остальные вели себя почти так же». «Почти так же» — значит, не совсем так. «Только когда с трудом удалось найти приемлемую для всех формулировку, — уточняет Станислав Станиславович, — мы позволяли по чуть-чуть хорошего коньяку». По другим сведениям, исходящим тоже от С. С. Шушкевича, они «прикладывались к рюмке с коньяком» «после подписания каждого пункта соглашения». А поскольку в соглашении четырнадцать статей, или же двадцать три пункта, да ещё пространная преамбула, и по всем этим разделам удалось найти «приемлемые формулировки», то прикладываться к рюмке приходилось неоднократно. Даже если взять «чуть-чуть» по десять граммов, получим не менее двухсотпятидесяти граммов коньяка — правда, не какого-нибудь, а «хорошего».

Тайной подобного технологического секрета работы над дипломатическими документами Л. М. Кравчук позднее поделился с Н. А. Назарбаевым. «Мне позднее Кравчук рассказывал: они там, в Беловежской пуще, каждый абзац документа отдельно обмывали, а было в нём две с полови-

ной страницы». Данный факт позднее признал и премьер-министр Белоруссии В. Кебич. «Во время работы над соглашением, — вспоминает он, — когда получалось сформулировать особенно

сильную фразу, мне давали задание: иди налей по рюмке шампанского. Креплёные и крепкие напитки, когда мы работали, вообще не употребляли. Только потом, когда уже всё закончилось».

Итак, факт обмывания исторического документа можно считать установленным. Расхождение только в двух вопросах. Что обмывали: «приемлемые формулировки», «сильные фразы», каждый пункт или все абзацы? И чем обмывали? В. Ф. Кебичу запомнилось, что он пил шампанское, С. С. Шушкевичу — коньяк. А поскольку коньяк трудно спутать с шампанским, каждый, видимо, пил, что ему больше нравилось. Итоговый документ был подписан в 14.17.

5. Главная идея договора

Главная идея этого документа была сформулирована следующими словами: «Мы, Республика Беларусь, Российская Федерация (РСФСР), Украина как государства-учредители Союза ССР, подписавшие Союзный договор 1922 года, далее именуемые Высокими Договаривающимися Сторонами, констатируем, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование».

Как уже отмечено в литературе, Союзный договор 1922 года просуществовал немногим более года и превратился в чисто исторический документ, так как в 1924 году его заменил новый Союзный договор, ставший неотъемлемой частью первой союзной конституции. Но и этот договор ушёл в прошлое после того, как была принята Конституция СССР 1936 года, в которой Союзный договор даже не упоминался. Не упоминался он и в Конституции 1977 года. Но даже если бы к 8 декабря 1991 года подписанный в 1922 году Союзный договор продолжал действовать, три названные союзные республики не имели права расторгнуть его и объявить СССР прекратившим своё существование: а) во-первых, потому что он не предусматривал такой возможности и давал подписавшим его республикам лишь право выйти из состава СССР; б) во-вторых, кроме этих трёх республик, он был подписан ЗСФСР; и хотя к 1991 году ЗСФСР уже не

существовало, но продолжали существовать составлявшие её республики, бывшие её правопреемниками; в) в-третьих, к 1991 году в состав СССР входило пятнадцать республик, поэтому три из них никак не могли решить судьбу остальных двенадцати и лишить их права пребывания в Союзе; г) в-четвёртых, судьбу СССР мог решить только его высший законодательный орган, которым по конституции являлся Съезд народных депутатов, а согласно решениям Пятого съезда народных депутатов — Верховный Совет СССР. Самое большее, что могли сделать руководители трёх названных республик, — это принять решение о выходе их республик из состава СССР, но сам порядок выхода должен был соответствовать закону от 3 апреля 1990 года.

6. Беловежским договором провозглашён государственный переворот в СССР

Таким образом, достигнутое соглашение имело антиконституционный характер. А поскольку оно решало судьбу государства, принятие такого документа представляло собой *государственный переворот*. Несмотря на то, что работа над Беловежским соглашением завершилась в 14.17, пресс-конференция была назначена на 17.00. Чтобы понять причину этого, необходимо учесть следующее обстоятельство. «Подписав документ, — вспоминал Е. Т. Гайдар, — Б. Ельцин в присутствии Л. Кравчука и С. Шушкевича позвонил Е. Шапошникову, сказал о принятом решении, сообщил, что президенты договорились о его назначении главнокомандующим Объединёнными Вооружёнными силами Содружества. Е. Шапошников назначение принял. Потом последовал звонок Джорджу Бушу... Наконец, звонок Горбачёву и тяжёлый разговор с ним».

Как утверждает Л. М. Кравчук, после подписания соглашения они попросили соединить их и с М. С. Горбачёвым, и с Д. Бушем. Однако Михаила Сергеевича долго не могли найти, а американский президент взял трубку сразу же. Поэтому так получилось, что его уведомили о произошедшем раньше, чем своего президента. Однако в этой версии есть одна неувязка. Она заключается в том, что 14.17 по

московскому времени — это 6.17 по вашингтонскому. Поэтому никто из беловежской тройки, даже учитывая количество выпитых к этому времени рюмок коньяка и шампанского, будить американского президента не решился бы. Поэтому пришлось ждать до 9.00, то есть до 17.00. Видимо, именно по этой причине на 17.00 и была назначена пресс-конференция.

Как должен был встретить сообщение о ликвидации СССР лидер страны, претендующий на идеал демократии (то есть США)? Прежде всего он должен был поинтересоваться, соблюдены ли при подписании Беловежского соглашения действующие законы, и только получив на этот вопрос положительный ответ, заявить, что не может вмешиваться во внутренние дела другой страны. Однако американский президент сразу же одобрил принятое решение, то есть, по сути дела, одобрил государственное преступление. И в этом нет ничего удивительного, так как, не зная заранее его позиции в этом вопросе, ни один из трёх «беловежцев» на подобный шаг не решился бы.

«Наши, как теперь любят говорить, западные партнёры, — пишет Г. А. Явлинский, — были тогда крайне заинтересованы в том, чтобы распад Союза был необратимым, и они очень поощряли эти идеи». Только получив благословение американского президента, беловежские заговорщики решили уведомить о произошедшем президента объявленного ими несуществующим государства (то есть СССР).

«Наконец, вечером — вспоминает М. С. Горбачёв, — раздался звонок Шушкевича, которому, оказывается, Ельцин и Кравчук поручили в их присутствии сообщить мне о принятых решениях. Он сказал, что уже был разговор с Бушем и тот „поддержал“». По свидетельству С. Мартысюка, первыми покинули Вискули украинцы, «в 11 часов — россияне». В каком состоянии улетал российский президент, мы не знаем, но Н. И. Рыжков утверждает, что в тот день Борис Николаевич «надрался» так, что только к двум часам ночи его смогли привести в чувство, когда в Минске была дана пресс-конференция. После пресс-конференции, прежде чем вылететь в Москву, по русскому обычаю, видимо, было решено присесть перед дорогой

и выпить, как говорится, на посошок. Опохмелившись, Б. Н. Ельцин с большим трудом встал из-за стола, сделал несколько шагов и, если верить его недругам (да простят мне поклонники нашей «демократии» эту подробность), рухнув на ковёр, «облевался». Так была поставлена последняя точка в беловежском сговоре.

7. Возвращение ельцинской команды в Москву

От Минска до Москвы около часа пути. За это время Борис Николаевич не успел прийти в себя. Поэтому, как потом рассказывали злые языки, «по прибытии в Москву» его «пришлось выносить из самолёта». «Возвращаясь самолётом в Москву в этот декабрьский вечер 1991 года, — пишет Е. Т. Гайдар, — я всё время думал: а мог ли Горбачёв в ответ на подписанное соглашение попытаться применить силу и таким образом сохранить Советский Союз? Разумеется, окончательный ответ так и останется неизвестным. И всё-таки мне кажется, в то время такая попытка была бы абсолютно безнадёжной». Эти невольные вырвавшиеся слова свидетельствуют: возвращаясь в Москву, Е. Т. Гайдар не исключал того, что из аэропорта их могут отвезти в «Лефортово» или в «Матросскую тишину».

Сразу же после беловежского сговора А. Н. Яковлев дал интервью, в котором заявил: «...за распадом Союза начнётся распад РСФСР. Он неизбежен, и по той же самой схеме. Он уже начался. И никакая сила тут не поможет, ибо сила — это кровь». Александр Николаевич явно поторопился с прогнозом, выдав желаемое за действительное. По всей видимости, тот самый сценарий, который в 1988 году обнаружил М. Я. Гефтер, а в 1990 году положил в основу своей избирательной программы Б. Н. Ельцин, — сценарий расчленения России — продолжал существовать и в 1991 году. Однако, к счастью, не осуществился.

10 – 12 декабря в полном противоречии с Конституцией СССР и союзным законодательством Верховные Советы Белоруссии, России и Украины не только денонсировали Союзный договор 1922 года, но и ратифицировали Беловежское соглашение.

21 декабря 1991 года в Алма-Ате встретились главы одиннадцати советских республик (не были представлены Грузия и три прибалтийские республики) и приняли два решения: о ликвидации СССР и образовании СНГ.

Как совершенно справедливо пишет Н. И. Рыжков, узнав о Беловежском соглашении, М. С. Горбачёв, как президент СССР, обязан был немедленно поставить об этом в известность Верховный Совет СССР, ООН, Совет безопасности. Однако ничего подобного союзный президент не сделал. Поскольку Беловежское соглашение и всё, что последовало за ним, имело противозаконный, антиконституционный характер, М. С. Горбачёв, как президент, как гарант конституции и законности, был обязан сразу же после того, как ему стало известно о беловежском сговоре, не только опротестовать подписанный главами трёх республик документ, и потребовать от Генеральной прокуратуры, чтобы она возбудила против них уголовное дело. Он был обязан опротестовать ратификацию Беловежского соглашения республиканскими парламентами, выступить с инициативой созыва чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР и вынести на её обсуждение этот вопрос. Обязан, даже понимая, что всё это может остаться на бумаге. А поскольку М. С. Горбачёв не сделал этого, то нарушил не только данную им присягу, в которой прямо говорилось о соблюдении и защите конституции, но и саму конституцию. Поэтому его поведение следует квалифицировать или как *соучастие*, или как *преступное бездействие, повлёкшее за собой участие в содеянном со всеми вытекающими из этого последствиями*.

Почему же он поступил именно так? Это стало понятно 24 декабря. В этот день в печати появилось последнее интервью М. С. Горбачёва в качестве президента СССР. И что же сокровенного мы узнали из него? «Главное дело моей жизни, — заявил он, — сбылось». Поразительно. Уходя с политической сцены, лидер советской державы публично назвал её уничтожение «главным делом» своей жизни. В тот же день М. С. Горбачёва (почему-то в сопровождении А. Н. Яковлева) принял Б. Н. Ельцин.

8. Горбачёв на приёме у Ельцина

С чем пожаловал к нему уходящий президент Советского Союза? Оказывается, с отступной. «Список претензий Горбачёва, — писал Борис Николаевич, — его „отступная“, изложенный на нескольких страницах, был огромен. И практически весь состоял из материальных требований. Пенсия в размере президентского оклада с последующей индексацией. Президентская квартира, дача, машина для жены и для себя, но главное — Фонд. Большое здание в центре Москвы, бывшая Академия общественных наук, транспорт, оборудование. Охрана. Психологически его расчёт был очень прост: раз вы так хотите от меня избавиться, тогда извольте раскошелиться... Почти всё, что просил Горбачёв, за исключением чего-то уж очень непомерного, ему дали. Мы встретились с ним в Кремле 24 декабря. У него в кабинете... Это был тяжёлый, долгий разговор. Продолжался он несколько часов». Михаил Сергеевич ушёл с этой беседы, оставив А. Н. Яковлева с Б. Н. Ельциным.

«Вернулся к Горбачёву, — вспоминает Александр Николаевич. — Он лежал на кушетке, в глазах слёзы. „Вот видишь, Саш, вот так“, — говорил человек, может быть, в самые тяжкие минуты своей жизни, как бы жалуясь на судьбу и в то же время стесняясь своей слабости». Мог ли М. С. Горбачёв уйти по-другому? Мог. Хотел ли он этого? Нет. Говорят, на скотобойнях держат специальных животных, называемых «вожаки». Когда пригоняют очередное стадо и оказавшиеся в незнакомом месте животные сбиваются в кучу, не зная, куда двигаться дальше, выпускают «вожака». Он увлекает стадо на бойню, после чего скот отправляют под нож, а «вожака» возвращают в стойло. Там за выполненную работу он получает дополнительный корм. Для барана это может быть клок сена, для свиньи — ведро помоев, для человека — заведование кафедрой, звание академика, кресло ректора, руководство фондом и тому подобное. М. С. Горбачёв за уничтожение советской державы, которое он назвал «главным делом» своей жизни, получил фонд и отличное материальное обеспечение.

9. Преступный замысел Горбачёва по перестройке

Перестройка была задумана зарубежными и отечественными организаторами процессов как подготовка к вхождению Советской страны в мировую экономику и созданию не только «общеевропейского дома», но и «нового мирового порядка». Для этого, как уже отмечалось, требовалось, чтобы: а) СССР отказался от своих сфер влияния; б) были ликвидированы СЭВ и ОВД; в) изменился экономический, политический и духовный облик Советской страны; г) произошло разделение СССР на более мелкие государства. И действительно, рассмотренный нами материал свидетельствует, что к началу перестройки у М. С. Горбачёва имелся общий замысел реформ, цель которых заключалась в ликвидации Советского Союза как государства-корпорации. «Замысел, — признался бывший генсек в 1992 году, — был, собственно, в том, чтобы сломать хребет тому тоталитарному монстру, который у нас стали называть Административной Командной Системой». Для достижения этой цели планировалось: произвести приватизацию государственной собственности и восстановить многоукладную рыночную экономику; отстранить КПСС от власти и создать многопартийную политическую систему; отказаться от монополии «марксистско-ленинской» идеологии и перейти к буржуазной идеологии западного образца; передать собственность и власть из центра в республики и превратить СССР в конфедерацию или содружество; встать на путь разоружения и отказаться от сфер влияния за рубежом, прежде всего в странах Восточной Европы.

Может быть, «архитекторы перестройки» не понимали, чем обернётся реформирование СССР по тому варианту, который был ими избран? Ответ на этот вопрос дают признания А. Н. Яковлева и Э. А. Шеварднадзе, которые были сделаны ими в беседе с бывшим директором Агентства национальной безопасности США У. Одомом: «Они знали, что Советский Союз разрушится». Понимал это и М. С. Горбачёв. Вспомним, как в 1987 году он отговаривал В. И. Воронникова от создания Коммунистической партии РСФСР, утверждая, что это будет первым шагом на пути развала СССР, и как в 1989 — 1990 годах эта же идея реализовывалась под его

руководством. Может быть, реформаторы думали, что распад СССР откроет перед бывшими советскими республиками возможность для более успешного развития? Выступая 14 июля 1989 года на заседании Политбюро, М. С. Горбачёв заявил: «Все проработки, которые до сих пор сделаны, приводят к выводу: распад на многие годы выбьет из колеи все нации». А вот его же прогноз, сделанный весной 1990 года: «Меня воодушевляет, что нынешние поколения... нашли в себе силы взять на себя ответственность за кардинально новое общественно-историческое решение, невзирая на невероятные политические, экономические, психологические трудности, которые нас ждут на этом пути. Всё ещё впереди, в том числе и главные трудности». О том, какие трудности М. С. Горбачёв видел впереди, мы уже знаем. Вспомним его выступление 12 октября 1987 года в Ленинграде на Марсовом поле, где он напоминал ленинградцам о блокаде. 9 января 1991 года, если верить Ф. Д. Бобкову (бывший генерал КГБ), Михаил Сергеевич сказал В. А. Крючкову: «Внуков жалко». Значит, понимал, что начатая им перестройка не даст благотворных результатов ни в ближайшем, ни в отдалённом будущем. Горбачёв снискал в нашем народе «славу Герострата», разрушителя целой русской цивилизации, создаваемой столетиями усилиями титанов-созидателей, но разрушенной такими пигмеями, как Горбачёв и его «команда», при активной помощи Запада.

10. Где и как жил Горбачёв М. С. после своих тяжких трудов по развалу СССР?

Выйдя на пенсию, Михаил Сергеевич некоторое время ездил по миру с лекциями, потом сел писать книги, участвовал в коммерческой рекламе, организовал «Горбачёв-Фонд», который сейчас изучает особенности перестроечного периода в нашей стране и мировой экономики в целом. В новой России, созданной не без его участия, Горбачёв теперь не хотел публичности. Финансовое благополучие нобелевского лауреата обеспечивали персональная пенсия, гонорары за напечатанные книги, прочитанные лекции, коммерческую рекламу (платили за всё очень

щедро — он стал долларовым миллионером). Отказавшись от власти после распада СССР, Михаил Горбачёв получил гарантированную неприкосновенность до конца жизни.

На своё восьмидесятилетие из рук президента (был тогда Д. Медведев) получил высший орден современной России — орден Святого апостола Андрея Первозванного. В документе указано, за какие заслуги вручён этот орден: «За большой личный вклад в укрепление мира и дружбы между народами и многолетнюю плодотворную общественную деятельность». Но мы можем сказать, что награду он получил прежде всего за свой «выдающийся вклад» по развалу могучей империи от ставленников российского олигархата, которые благодаря его этому «вкладу» смогли стать баснословно богатыми. А «плодотворный его вклад» в несчастья миллионов людей в РФ и бывших союзных республиках СССР да в нищету миллионов россиян — он тоже, очевидно, «заслуживал» высшего российского ордена. В 1990 году ему была присуждена Нобелевская премия «в знак признания его ведущей роли в мирном процессе, который сегодня характеризует важную составную часть жизни международного сообщества».

Кроме всего прочего, напомним: в советский период времени Горбачёв за свою партийную карьеру (до 1985 года, когда он внезапно «перестроился», заняв высшие посты в государстве) был награждён шестью орденами (в том числе тремя орденами Ленина — это была высшая награда) и несколькими медалями. Но это было ничто в сравнении с тем, какими почестями и наградами его осыпал Запад, когда он расстался с руководством разваленного с его помощью СССР. Кратко перечислим: памятные медали Югославии (две), Болгарии (две), Франции (две), Польши (две), Италии (две), Ватикана (одна), США (четыре). Ещё по две штуки — Испания, Греция. По одной штуке — Сан-Марино, Португалия, Чехия, Доминиканская республика. ФРГ — кавалер Большого креста ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия» (1999).

Для Германии он — «лучший немец».

Почётные титулы и учёные звания: присвоены ему в двадцати шести зарубежных университетах. Звание «Почётный гражданин» присвоено в двенадцати городах в

разных странах. Престижные иностранные награды и премии — тридцать одна штука. Жизнь удалась!

В возрасте девяносто одного года в 2022 году он скончался в московской больнице ЦКБ. Свои просторные апартаменты на улице Косыгина Горбачёв продал композитору Игорю Крутому. Но у него остались домик в Подмосковье и особнячок под Мюнхеном. Немцы Михаила Сергеевича («лучшего немца») любят и почитают. Жилищем ему в Баварских Альпах служил много лет довольно известный замок Хубертуса — трёхэтажный особняк площадью пятьсот семьдесят квадратных метров, построенный на берегу чистейшего озера Тегернзее в альпийских предгорьях, в живописном городке Роттах-Эгерн, в начале прошлого века. Место это курортное, престижное, там находится элитный санаторий для людей с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Михаил Сергеевич уехал в Баварию в конце 1990-х, после смерти в 1999 году своей единственной жены — Раисы Максимовны. В 2016 году он перенёс операцию на позвоночнике в немецкой клинике, долго восстанавливался, а потом вернулся в Россию и поселился на даче в деревне Калчуга Одинцовского городского округа на Рублёво-Успенском шоссе. Проходил оздоровительные процедуры в ЦКБ.

Об авторе:

Анатолий Михайлович ЛОГВИНОВ — уроженец Краснодарского края (25.02.1944). В Красноярске — с июля 1961 года. Доктор социологических наук, член Российского общества социологов (РОС). Написал и издал 100 научных работ, в т. ч. монографии, учебные пособия, статьи и пр. Творческие занятия: живопись, графика, сочинение стихов и песен. Публикации в альманахе «Новый Енисейский литератор», газетах, на сайтах: «Проза.ру», «Стихи.ру», YouTube; три книги стихов, книга социологических заметок «СССР: от титанов-созидателей до пигмеев-разрушителей». Член Союза журналистов РФ.

Тел.: + 79135248204.

Эл. почта: Logvinoff.anat@yandex.ru

